

84(2=411.2)6

В 616

Елизавета БИЛЬТРИКОВА

Признания
души

84(2=411.2)6

Б616

Е.М. Бильтрикова

Признания души

УДК 89
ББК 84 (2ROS)=Буря
Б 616

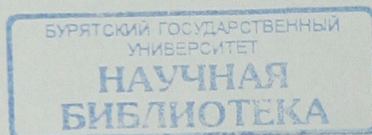
Бильтрикова Е.М.

Б 616 Признания души. Улан-Удэ. — Изд-во ПАО «Республиканская типография», — с. 304.

Книга Елизаветы Харжеевой-Бильтриковой «Признания души» представляет собой своеобразный мемуарно-поэтический калейдоскоп, куда вошли эссе-воспоминания об ушедших и живых и большой цикл поэтических посвящений Байкалу, Пушкину, творцам, родным, друзьям и знакомым, а также фрагменты публицистики и прозы, тексты песен, написанных в разные годы.

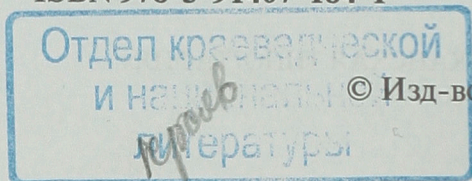
Произведения рассчитаны на широкий круг читателей, могут быть успешно использованы в эколого-патриотическом воспитании подрастающего поколения и студенческой молодежи.

6 2 9 8 4 5

УДК 89
ББК 84 (2ROS)=Буря

ISBN 978-5-91407-184-1

© Бильтрикова Е.М., 2019

© Изд-во ПАО «Республиканская типография», 2019

СЛОВО, ЧТО В ДУШЕ ХРАНИШЬ...

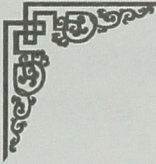
Почти всё из того, что написано тобой и пишется, есть посвящение родной земле, Байкалу, ликам природы, маршрутам судьбы, дорогим твоему сердцу людям, родным, близким и далеким друзьям и вдохновенным творцам. Немало строк посвящено известным и совсем неизвестным именам, простым, скромным труженикам, и дело совсем не в статусе человека и, тем более, не в желании высветиться в лучах чужой славы, просто, рано или поздно, по кем-то проведенным пунктирным линиям, пересекаются людские пути в этом мире, оставляя след..

Жизнь так быстротечна и непредсказуема, что в водовороте событий не успеваешь ответить добром на добро, высказать слова признания и благодарения. Время, к сожалению, не умеет ждать.. Заранее прошу прощения за за рефрен некоторых фактов и событий, поскольку многие вещи написаны в разные годы по разным поводам, что-то, безусловно, перекраивается, видоизменяется или напрочь удаляется, а что-то, как некая презумпция истины, остается, вторится и перекликается.

Череда будней, праздников, событий, встреч и путей-дорог — всё это то, чем, по обыкновению, полнятся наши дни, но каждый из них остается в сундуке нашей памяти, где ему уготована персональная ячейка. Оглядываясь назад, благодаришь судьбу за всё и за всех: родных, братьев по духу, старых и новых друзей, знакомых — за то, что они есть, за их добрые слова и подвижничество души.

Сиянье золотых сердец озаряют путь и прогоняют тьму..

Храни вас БОГ! Мира, добра и всех вам земных благ!

* * *

Как страшно — слово, что хранишь в душе,
Не сказать, не вымолвить однажды..
Иные быть могут далеко уже,
И ничто не повторится дважды..

БАЙКАЛ

Много слов сказано о милой родине, о Священном Байкале, сколько еще не высказано, теснится в душе, переполняя ее и радостью, и болью..

*Байкал, живи на радость, диво —
Оазис чистой красоты,
Вздывая волны горделиво,
Как ввысь хрустальные мосты!*

Сказ о Багатуре

Это было, когда деревья росли густой стеной и солнечные лучи с трудом пробивались сквозь них, когда день был длиннее ночи, а ночь была длиной в четыре первых шага маленького ребенка, когда птицам и зверям было тесно в лесу, а горы лишь с опушек вырастали, когда петух еще умел петь нежной трелью. Вот когда это было.

В день своего возмужания юноша по имени Багатур, сын охотника Хорсо-Мэргэна, отправился в тайгу за первой своей большой дичью. Отец его, напутствуя в дорогу, строго наказал:

— Не опозорь, сын, нашего именитого рода извечных охотников. Без дичи лучше не возвращайся!

Долго шел Багатур по тропам, исхоженным им еще с малых лет вместе с отцом. Уже давно опустела его торба с припасами, лишь две крошки сухого творога звонко перекатывались на доньшке. Ведь не мог Багатур не угостить лесного духа и лесных обитателей кушаньями, которые так вкусно и заботливо готовила ему в дорогу мать.

И долго еще шел Багатур. Ноги его давно истерлись в кровь. Одежда превратилась в рубище.

Только не мог юноша поднять руку на собратьев своих меньших. Днем птицы ему пели на все голоса, и звери жаркими боками согревали его в холодные ночи. И решил Багатур — не возвращаться домой. В голове все молотом стучали грозные слова отца: «Без дичи не возвращайся ... не возвращайся». Вскоре надоело ему идти знакомыми тропами.

И решил он проторить свою тропу в тайге, все шел и шел вперед. Уже три зимы сменили три лета. И вот он остановился, сраженный картиной, которая возникла перед его взором. То была величественная безбрежная и бездонная чаша с чистой водой, которая кишела диковинными рыбами. По краям этой серебряной чаши тянулись нежной голубой каемкой холмы. Казалось Багатуру, что сами боги спускаются с небес сюда отдохнуть от хлопот, полюбоваться своим творением. Наклонился Багатур воды испить из этой чаши и не узнал своего отражения. На него смотрел незнакомец богатырского облика: лицо, исполненное воли и мужества, мощная шея же его плавно перетекала в могучие плечи. Уже несколько дней и ночей он провел у этой жемчужины. Напился священной воды, наелся рыбы, окреп и еще больше возмужал Багатур. Как хотелось ему, чтоб увидели красоту этих вод его сородичи. И попросил он у ветра помощи:

— Долети ты, ветер легкий бестелый, до порога отчей юрты, узнай: живы, здоровы ли мои родители? Да о чем они говорят и тужат?

В одно моргание глаза летел ветер, еще издали слышались ему вопли отца Багатура:

— Зачем я сыну наказал без дичи не возвращаться?! О, прокляните меня, боги, пошлите мне смерть! Зачем я сына единокровного обрек на гибель?!

И вернулся ветер с радостной вестью к Багатуру. И тот в одно лето преодолел обратный путь — дорогу к отчему порогу. И предстал Багатур перед безвременно постаревшими родителями исполином небывалым, не было рядом с ним того, кто мог сравниться с ним свежестью и красотой, и того, кто мог бы стать

вровень с его могучими плечами. В три погибели перегнулся Багатур, чтоб поцеловать мать.

Диву давались сородичи: «Какие чары вспоили сына Хорсо-Мэргэна, что он явился перед ними таким исполином?». Поклонившись всем в пояс, отвечал им Багатур:

— Есть такая сила. Это священная вода, прозрачная и чистая, как слеза ребенка. А находится она в безбрежной серебряной чаше. Хочу, чтоб наше племя жило там и размножалось у этих священных вод.

Долго не верили сородичи, качали в недоумении головами, долго еще расспрашивали Багатура. Порешили сородичи избрать Багатура своим головой и следовать его совету.

Добрались они все до единого до безбрежных вод. И сказал Багатур роду своему:

— Назовем эти воды без течения Байгал. И будем жить здесь, рожать детей. Пусть в веках живет и крепнет наш род, и накажем детям и детям внуков наших беречь этот край, эти священные воды.

Так и поныне живут вокруг Байкала потомки того Багатура, люди сильные, смелые и красивые духом.

ПЕСНЬ ДУШИ

Мы живём на берегах Седого Байкала, в окрестностях Святой Чаши Матери – Земли и Неба – Отца. Земля вокруг Байкала священна.

Я горжусь тем, что кровно связана с Байкалом, с древним Ольхоном. Моя родословная уходит глубоко корнями в эту священную землю.

Наши шаманы утверждают, что всякий, кому суждено родиться на этой земле, наделён от природы умом, силой, здоровьем и осыпан благодатью Мудрости, независимо от цвета кожи. Может, это и есть тот самый оберег, отводящий от нас кровопролития и братоубийства в это смутное время?

Ещё в XVII веке, проезжая мимо Байкала, первый ссыльный Протопоп Аввакум делал свои записи. Многие удивило и восхитило эту самобытную личность. Столетия спустя, Николай Рерих оставляет в своих дневниках: «Сколь прекрасна эта земля, столь она и загадочна». Чехов, следуя на Сахалин, так же любовался природой нашего края и сравнил его со Швейцарией. Скрижали судьбы так распорядились, что наша бурятская земля стала приютом для многих декабристов, которые не только полюбили этот край, но и навсегда породнились с ним. «Что за добрый народ эти буряты!» – восхищался Николай Бестужев.

Так и живут исстари на этой земле бок о бок и русский, и бурят. Дай Бог, и далее в веках, мира и согласия между нашими народами.

Не скупятся Боги на таланты, щедро посылая их на землю Гэсэра. Славится наша земля песнями, золотыми голосами. Сколько побед принесли нам сильные не только телом, но и духом наши спортсмены?!

Байкал, чистый и прозрачный, как слеза ребёнка, – уникальный природный аквариум для осетра, тайменя, омуля. Вода же Священного Байкала обладает поистине волшебной целебной силой.

Да, могу бесконечно долго говорить о родном крае. Каким будет он через двадцать, пятьдесят, сто лет? Это зависит от нас, сегодняшних, от наших помыслов и деяний. Нам жить здесь и беречь эту землю для потомков!

МОЙ КРАЙ У БАЙКАЛА

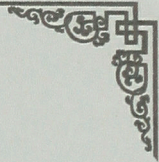
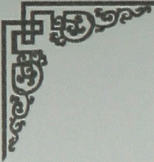
Мой край у самого Байкала,
Скажи, как ныне ты живешь?
Ты, может, родина, узнала
Ту девочку, которую зовешь?

Ее ты помнишь фантазеркой,
Смешливой, острой на язык,
Любившей розовые зорьки
И звезд летящих яркий миг,

Бежавшей вслед за облаками
В страну неведомых чудес —
В ту сказку, что мне вечерами
Шептал, уж дремля, сонный лес.

Меня ты, родина, как в зыбке,
Качала нежно на волнах,
Лаская сладостною дымкой,
Едва горчившей на губах.

Дождем весенним обливала —
Аршана капли я пила;
Цветы мне в волосы вплетала,
Твоей любимицей была.

Водой байкальской ты вспоила,
Вскормила омулем, любя.
Нас всех, детей своих, сроднила —
В сердца вложила ты себя.

Прости, что в дали уезжая,
Я прочь бежала второпях,
Потом в разлуке изнывая,
Тобою грезила я в снах.

И в счастье, в горе и на дыбе
Скажу я, родина, тебе:
На свете нет тебя красивей —
Святая мать ты в судьбе!

Живи, родная, у Байкала
Под синим куполом небес,
Веков, эпох пройдет немало —
Останься чудом из чудес!

ЗОВ БАЙКАЛА

Алмаз в оправе гор Хамар-Дабана,
О, чудо света, сказочный Байкал!
Здесь рай земной душе, в том нет обмана,
Лишь тут найдешь, что ты всю жизнь искал,

О чем мечтал, чем бредил втайне с детства,
Душой стремился к чудным берегам.
Здесь вод хрусталь из самой глуби сердца
Несет Байкал, как дар, к твоим ногам.

И, если ты душой и в мыслях светел,
Омойся, друг, святейшею водой.
Спроси о вечном старца, он ответит,
Тебя лаская по-отечески волной.

Теперь всегда спешить на зов Байкала
Ты будешь, где б ни жил и ни бывал,
Как к чуду, чтоб взглянуть на лик и скалы —
Поймешь, что он навек очаровал.

Байкал, живи на радость, диво —
Оазис чистой красоты,
Вздымая волны горделиво,
Как ввысь хрустальные мосты!

В тебе от Бога мощь и сила,
Своей частицей надели,
Чтоб мать-земля нас всех носила
И путь, отпущенный прошли...

ВЕСНА

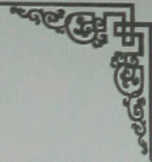
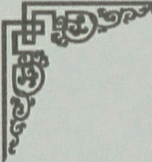
Зима пошла уже на убыль,
Вновь к солнцу тянется земля,
Леса снимают свои шубы —
Морозы больше их не злят.

Лик неба ярче и лазурней,
Под легкой дымкой синева,
И стали праздничнее будни.
Весна вошла в свои права.

Гольцам уж жарко в малахаях,
С них градом пот — бегут ручьи,
Несутся вскачь, не зная страха,
Их гонят вниз с вершин лучи!

Вдоль русел гомон капитанов —
Плывут «по морю» корабли...
Бегут мальчишки спозаранок
К штурвалам смело порулить.

Смешалось все: и смех, и ветер,
Дыханье первое тайги,
Туман лиловый — легкий веер
Цветов багульника. Жарки

Вот-вот зажгутся ярким цветом,
Собой украсив весь окрест,
Пред встречей радостною с летом,
Храня достоинство и честь

В осанке гордой. Но под шляпкой
Кокетки виден завиток —
Фитиль от солнечной лампадки,
То — чудо света, не цветок!

Лишь спит Байкал еще в оковах,
Но за ночь может разорвать
Одним движеньем плен ледовый,
Себе прикажет: «Хватит спать!»

Вздымая волны с диким ревом,
О лете новом возвестит
И, снова солнцем очарован,
Всей гладью мирно заблестит!

ДУЛАН

Зарницы родовой памяти

Дулан... Как много он значил для моего отца, и как мало уцелело тому свидетельств.

Мой отец, Харжеев Михаил Васильевич, родился в 1912 году в селе Корсаково. В 1941 вслед за старшим братом ушел на фронт, с тяжким ранением попал в немецкий плен, после чего провел десять страшных лет в ГУЛагах. Судьбоносный 1953 год. Возвращение домой, на круги своя. Уже не было в живых его родителей. Ждала брата, пропавшего без вести, как мать, веря в чудо, рано овдовевшая старшая сестра Марфа. В 1955 году он обзавелся семьей, в 1957-м, лишь в 45 лет, стал впервые отцом. Казалось бы, жить и жить ему после стольких лет мук и страданий, но судьба ему скупно отпустила порцию обыкновенного человеческого счастья, растянув его на недолгие 19 лет.

Несмотря на все тяготы судьбы, он оставался, на редкость, добрым, светлым человеком, с лучезарной улыбкой, доставшейся ему, как утверждала тетушка Марфа, «по наследству» от их матери.

Кто же были его родители, мои бабушка и дедушка? Страшно подумать, они были людьми 19-го столетия! Мать моего отца происходила из богатого рода Тумуреевых из Дулана, была отдана замуж в Корсаково, за Василия Харжеева, моего деда, в крепкую, зажиточную семью, имевшую сетевые бригады. Она родила Харжеевым семерых детей, один из которых умер в младенчестве, а жизнь седьмого ребенка, всеобщей любимицы Варвары, имя которой врезалось в мою детскую память, оборвалась в её 8-9-летнем возрасте. Со слов отца, любил их миленькую, смышленную сестренку и батюшка Байкало-Кударинской

церкви, захаживавший к ним в гости, баловал её гостинцами. Итак, их выросло пятеро детей: Марфа (1905 г.р), Степан (1909 г.р.), Михаил (1912 г.р.), мой отец, Павел (1919 г.р.) и Прасковья (1921 г.р.)

Было у отца три сына... Все трое сыновей ушли на фронт. Первым ушел Степан, ахай («старший брат»), в 1942 году пришла на него похоронка. Вторым пошел Михаил, дунда-ахай («срединный брат»), любимчик матери. И прилетела однажды «бумага» о том, что он «пропал без вести»... Настал черед младшего брата Павла, он попал на Ленинградский фронт, дошел до Берлина, вернулся домой с орденами, медалями и осколками, пронзительной болью напоминавшими о войне.

Тетушка Марфа, заменившая нам бабушку, наша абга-эзы, рассказывала о том, как истово молилась их мать за Михаила, нашего отца, до последнего своего вздоха, выплакав все слезы. Быть может, Бог, услышав мольбы матери, вырвал её сына из железных когтей смерти? И этот свет материнской любви, кажется, всегда жил в нем вместе с тем чувством неизбывной вины за доставленные ей страдания.

Быстротечна, бурлива река времени, уносящая с собой истории судеб, даты и имена. По странному стечению обстоятельств, имя матери моего отца затерялось во времени. И я все эти годы тщетно пыталась восстановить его, выпрашивая у старших двоюродных сестер и братьев, рожденных на 1-2 десятилетия раньше меня. Собирая этот материал, я беспрестанно думала о ней, вставала и ложилась с мыслью о бабушке, о ее братьях и сестрах. И совершенно поразительным образом может сработать генетическая память человека, - она выдала мне её имя: Марья! Именно, так и звучало: Василий и Марья, а не Мария. Срочно звоню родственникам, кому сегодня за 70 и за 80, запомнявшим имя нашей бабушки, и они в ответ дружно вторят: «Точно, Марья!» Как радостно думать, что есть чудеса на свете, что через толщу лет может открыться затерянное имя! Говорят, она была необыкновенно добрым, милосердным человеком, никогда не брани-

лась, всем дарила свет своей лучезарной улыбки. Не случайно, их усадьба считалась «центром вселенной» для всех Харжеевых, она с нежностью и заботой относилась к детям и внукам погибшего брата мужа, Степана Харжеева. В доме их, как вспоминала тетя Марфа, всегда царили мир и покой, уют и тепло. Вместе с тем, она жила с болью в душе за своих братьев Тумуреевых, за судьбы их детей, угнанных в чужие края...

Из дошедшей до наших времен версии родословной Тумуреевых, известно, что родоначальником был Бордэ, родивший сына Жабэ и дочь Маду, от сына Жабэ, который, якобы, рано погиб, родился Тумэр, чье имя, собственно, и легло в основу знаменитой фамилии. Далее, от Тумэра пошли сыновья Хурьган и Эшэгэн, давшие начало двум сильным ветвям. Всего у Хурьгана, моего прадеда, было шестеро детей: три сына – Василий, Павел, Кондратий и три дочери – Аюшна (Аюхне), Марья и Марки. Аюшна – в замужестве Мангадаева, две другие сестры были отданы замуж в Корсаково, как уже говорила, Марья – за моего деда Василия Харжеева, а Мерки (Марки) – за Полусурова Михаила.

Моя бабушка и все её братья, судя по их русским именам, были крещены. Нетрудно догадаться, что именно, в те времена, после трагических событий, постигших Цаганскую степь, Провала 1861 года, кударинские буряты стали массово обращаться в православие. У нас сохранились две иконы с ликами Сергия Радонежского и Пресвятой Богородицы, «приехавшие» из Дулана в Корсаково, как говорила абга-эзы, вместе с моей бабушкой Марьей. Какое же страшное потрясение пришлось пережить нашим предкам?! Трагедия могла быть еще более чудовищной и необратимой, если не прогнозирования народных «сейсмологов», благодаря которым началось постепенное, заблаговременное «отступление» с переселением кударинцев.

Отец мой сам, будучи человеком начала 20-века, собирал корсаковских аксакалов за круглым столом – велась неторопливая беседа долгими зимними часами о былой старине, курились трубки. Помню их рассказы об ольхонском пророке Варнаш-

ке, прибегавшем по зимнему Байкалу в Корсаково, наверняка, говорили и о великом Провале, о репрессиях, о войне. В редкие минуты и часы свободного времени папа с удовольствием рисовал с нами, лепил из пластилина красивых коней, задавал нам решать мудреные головоломки, учил играть в шахматы, мастерил качели и, конечно же, читал. Сколько помню себя, у нас всегда были труды Хангалова, Балдаева, Яна, художественная литература, энциклопедии, множество журналов. Но самой большой его любовью были шахматы, и мастерства был высокого! Немыслимо, где и когда он оттачивал свой «класс»? Ведь он всю жизнь, сколько помню себя, трудился, не покладая рук, и на работе, и дома, будто знал, что отпущено ему не так много времени.. Сколько интересного и ценного мог рассказать мой отец, проживи он дольше. Но, обладая даром рассказчика и, поистине, феноменальной памятью, он был вынужден хранить молчание о крутых маршрутах своей судьбы и судеб своих родственников по материнской линии, Тумуреевых, претерпевших немалые муки и лишения еще в годы коллективизации. В молчании отца есть немалая «заслуга» моей матери, уроженки Алари, дочери большевика-ленинца 20-х. Она, тем самым, ревностно и бдительно оберегала нас, детей, от душеизлияний отца, хотя на историю ее рода проливался довольно яркий свет, что, конечно же, одинаково дорого и памятно нашим сердцам. Вместе с тем, мама, не заставшая в живых свою свекровь, со всем уважением и теплотой относилась к ее сестре, к Марки Полусуровой. Мы часто гостили у нее, и она с дочерьми и внуками – у нас. Прекрасно помню образ родной сестрицы моей бабушки: светлоликая, с открытым взглядом улыбающихся глаз, с аккуратно заплетенными двумя тоненькими косичками. По сей день свежи в памяти моей ее гостеприимство, искренняя забота о нас, внуках своей сестры, ее залиvistый смех. Глядя на нее, я мысленно рисовала портрет своей бабушки, такой же белолицой, улыбчивой и доброй, как говорили о ней родные. Марки родила Полусуровым шестерых детей: трех сыновей и трех дочерей, из которых стар-

ший сын Ангадай (Ананий) погиб на фронте. Хорошо помню ее дочерей: Часэ (Софью) и Паранью, не покидавших Корсаково, сына — Романа, жившего и работавшего в Улан-Удэ и Алексея, трудившегося всю свою жизнь в Баунте. Конечно же, не могла знать её старшего сына, но и никогда не видела старшую её дочь Бадуху, в замужестве Баинову. И вот, буквально, года три назад мне довелось познакомиться с её сыном, с моим, выходит, троюродным братом, Баиновым Александром Семеновичем. Через столько лет я вновь увидела дорогие моему сердцу черты в нем самом и в одной из его дочерей — абрис лица бабушки Марки.

Как же людям той эпохи, пережившим утраты и лишения, удавалось сохранить чистыми души, искриться добротой, щедро делиться с ближним хлебом насущным? Может, дух предков питал и спасал их?

Почти каждой семье война нанесла незаживающую рану, с которой люди продолжали жить, трудиться, творить добро. И без того, выпало роду Тумуреевых с лихвой, впрочем, как и другим «имущим», пройти испытание бедой и гибелью. Все сыновья Хурьгана, братья моей бабушки, владевшие землями вдоль Байкала, были раскулачены, брошены в тюрьмы и лагеря, а жены с детьми были высланы в Красноярский край. Так жестоко разорялись и разбивались гнездовья людей, разметались по свету, чудом выживали, наверняка, лишь те, в ком жил, отчасти, ген «сверхчеловека». И они вновь все начинали с нуля, вернувшись из небытия, продолжали свой род на земле.

Твердость духа Тумуреевых в народе считалась, можно сказать, фамильным знаком отличия. Ведь неслучайно, имя их предка — Тумэр, что в переводе с бурятского означает «железо». Славились они и необычайной щедростью души, гостеприимством, открытостью и простотой.

С годами приходит понимание того, что каждый из нас, обладая долговременной памятью, которая хранит даты, события и имена, носит в своей генетической памяти родовую информацию на ментальном уровне. Генетическая память — это,

как говорят ученые, более глубокий вид воспоминаний, когда подсознание человека вдруг выдает информацию о его далеких прародителях. Известный швейцарский психолог Карл Юнг, основоположник одного из направлений глубинной психологии человека, считал, что «опыт отдельной личности не утрачивается, а наследуется из поколения в поколение, сохраняясь в дальних закоулках его мозга».

Продолжая свое повествование, не могу не рассказать о том, что лет девять назад, я, будто кем-то гонимая, устремилась на встречу с последним двоюродным братом отца по его матери, Тумуреевым Алексеем Павловичем, дочери которого собрали небольшой круг родственников, по случаю его 85-летия. Это была первая и последняя встреча с ним, ровно через год его не стало. Попала я в этот круг родственников благодаря усилиям его старшей дочери Валентины, с которой мы случайно познакомились и сразу по-родственному сблизилась незадолго до этого дня. Уж нет и ее теперь. Светлая им память.

Самое удивительное и невероятное в этой встрече заключается в том, что юбиляр, владевший нашим вниманием, высказал ту мысль, которую я с давних пор хотела услышать. Он на бурятском языке сказал, буквально, следующее: «О Тумуреевых говорили, что они были тверже железа духом, но очень тонкой, нежной души!» Эту фразу, именно в таком контексте и звучании, я уже когда-то от кого-то слышала. Убеждена, что это не просто слова, они - духовный стержень древа Тумуреевых. Как радостно и светло было на сердце оттого, что это не плод фантазии! Радовалась тому, что уже ранее по наитию озвучила эту духовную квинтэссенцию древа Тумуреевых в своей балладе «Дорогою предков».

И вот, Алексей Павлович как живое олицетворение твердости и негибкости духа Тумуреевых рассказывал нам о том, что ему пришлось пережить. Историю его судьбы невозможно было слушать без слез, хотя это была малая толика того, что хранилось в его памяти. Он, рожденный в 1920 году, был грудным

ребенком, когда арестовали отца, а мать с маленьким Алешей на руках и другими его братьями и сестрами была выслана, как и все жены раскулаченных арестантов, в Красноярский край, где погибли от тифа все его родные, кроме него, трехгодовалого ребенка. Его, чудом уцелевшего, увезли в один из детских домов Иркутска. Чудом, оказалось, выжил в лагерях и его отец, Павел, родной брат моей бабушки. Вернувшись домой, он пустился на поиски семьи, нашел сына, долго не признававшего своего родителя, и забрал его из детдома. Приехал с ним в Дулан, начал жизнь почти с нуля. Дядя Алексей рассказывал, какое чувство радости и счастья он испытал, когда впервые на голову надел настоящую ушанку. Каким же страшным образом может сказываться судьба страны в судьбах своих граждан, простых людей! Алексей окончил Корсаковскую школу, в которой учились в одно время с ним Бутуханов Николай Васильевич, Уладаев Михаил Николаевич, Харжеев Митрофан Николаевич, Хребтовский Александр Иванович и другие. Жизнь налаживалась, его отец, стараясь наверстать упущенное, работал, словно двухильный. Но наступил 1937, репрессировали отца, на этот раз ему не случилось выжить. Несмотря на непростую биографию, Алексею Павловичу удалось сделать партийную карьеру, работал инструктором в Кабанском райкоме партии, затем всю свою жизнь верой и правдой служил в рыбоохранной системе Кабанского района, о честности, бескомпромиссности и принципиальности которого ходили в народе легенды. В какую же красивую плеяду сильных личностей выросли дети того поколения, познавшие и голод, и холод, и горечь ранних утрат!

В моей детской памяти запечатлелся образ еще одного папиного двоюродного брата по матери, Прокопия Кондратьевича Тумуреева, жившего с семьей в Оймуре. Видела его всего один раз в жизни, в свои 6-7 лет, когда с мамой однажды гостили у них. Вышел он к нам навстречу, крепкий, коренастый, с приветливыми жестами и доброй улыбкой. Помню, мы приехали к ним из Корсакова в день Кирика и Улиты, в оймурский престоль-

ный праздник, который отмечается там, по традиции, ежегодно 28 июля, не понимала, конечно, кто или что это, но мне очень понравилось складной скороговоркой произносить: «КИРИ-КИИУЛИТА-КИРИКИУЛИТА». К слову, был престольный праздник и в Корсакове, Петров день, который каждый год по православному календарю приходится на 12 июля. Тетя Клава, его жена, бывавшая не раз в нашем доме, запомнилась мне женщиной приятной внешности, приезжавшей на велосипеде, по всей видимости, из Кудары. Знаю, что они очень тесно общались с семьей папиной сестры, Прасковьей Васильевной и Сагадаем Прокопьевичем Афанасьевыми, жившими в Оймуре, затем в Посольске, где они и похоронены.

Многое унесло время. Жаль, что сегодня приходится по крупицам собирать из тайников своей и чужой памяти то малое, что сознательно или бессознательно когда-то зафиксировалось в ней. Конечно же, мне, маленькой девочке, никто из старших специально не рассказывал об истории рода, но нередко так случается, что кто-то помнит больше, кто-то меньше, а кто-то и вовсе ничего не знает, живет спокойно по воле своей манкуртом, либо мучается, став им поневоле, в силу сложившихся жизненных обстоятельств.

В продолжение повествования, отнюдь, не претендуя на истинность своих слов, скажу, что из разговора взрослых слышала, что есть у нас какая-то родня в Оймуре, что когда-то одна из дочерей Тумуреевых была отдана в замужество Филоновым, родившая много детей, которые родственными узами переплелись с Суворовыми, Поповыми и другими звучными, исконно кабанскими фамилиями. Предположительно, это могла быть, скорее всего, дочь Тумура, Воистину, нет ничего случайного! Как-то раз после моего творческого вечера подошел ко мне уже немолодой человек, который любезно и тепло представился: «Филонов Владимир Семенович, Ваш земляк, родом из Оймуре». Филонов! В сию же секунду я поймала себя на том, что нахожу в нем некоторое сходство с моим отцом — возможно, он и

есть отпрыск той дочери Тумуреевых, преумножившей род Филоновых! Владимир Семенович Филонов (1936 г.р.) рассказал, что, действительно, его прадед Филонов Константин был женат на бурятке, не то с Корсакова, не то с Дулана. Работая над этими воспоминаниями, снова говорила с ним. На этот раз он, как бы невзначай, заметил, что его отец, Семен Гаврилович Филонов, очень близко дружил и роднился в Оймуре с Тумуреевым Прокопием Кондратьевичем, т.е. двоюродным братом моего отца. Всё стало ясно — значит, прабабушка была из рода Тумуреевых! Поразительно схожи судьбы наших предков, как оказалось, все Филоновы, начиная с прадеда Константина, его братьев, их сыновей, были раскулачены, а жены и дети сосланы в Красноярский край, в Канск, многие из которых там погибли. Тумуреевы - Филоновы, разные фамилии, но одна участь и одни корни, незримо связующие нас, их потомков...

Сколько же пота, слез, крови и человеческих жизней приняла суровая красноярская земля!

Сегодня Дулану 150 лет, малой родине всех Тумуреевых. Примерно столько лет назад в семье Хурьгана Тумуреева родился один из его сыновей, после Провала, когда люди обустроивались, начинали жить новой жизнью. Теперь вся жизнь кударинских бурят делилась на жизнь — «до» и «после».

Провал 1861 года, Великая Октябрьская революция 1917-го, время коллективизации и раскулачивания в 20-годы, годы репрессий — с 1937—1953 гг., Великая Отечественная война — 1941—1945гг. — все эти великие потрясения выпали на долю наших предков! И наш долг — чтить память о них, передавать те крупницы истории рода нашим детям и внукам, чтобы была нерасторжимой связь времен и поколений, чтобы не было провала в родовой памяти фамильного древа. И эта связь, незримая и неминуемая, существует, и есть тому свидетельства. Именно, в один из дней погружения в эти воспоминания, я ранним утром проснулась с затерянным именем моей бабушки, будто кто-то

шепнул мне: «Марья». И это, как уже говорила, нашло подтверждение. Что это, блажь, мистика? Или, это, действительно, проявление той генетической памяти, выдающей информацию во время сна, когда полудремлет наше сознание? Каждый волен думать по своему разумению, но это констатация факта, который имеет место быть.

Писалось всё трудно, с болью сердца, с чувством вины и покаяния перед предками, сострадания за их муки, искреннего уважения и неоплатного долга перед ними — близкими и далекими Тумуреевыми, чья кровь течет, растворившись во многих из нас, их потомках.

Живи и процветай, сердцу милый Дулан — колыбель наших предков — под Вечным Синим Небом у самого Байкала! И пусть никогда не будет великих потрясений в нашей жизни и в жизни наших потомков!

2014 г.

ДОРОГОЮ ПРЕДКОВ

(баллада)

1

Дорогою еду я предков:
Дулан, Энхалук и Загза...
Бросаю на случай монетку,
И просится, душит слеза.
Здесь прадед мой жил Тумуреев,
От слова «тумэр»* его род,
Что зерна свои тут посеяв,
Оставил потомкам в приплод.
В народе его почитали,
Богат был казной и душой;
И тверже железа считали
Тот дух его сильный, большой.
Но время вдруг так повернулось,
Что стал он гоним голытьбой —
Жестоко она обманулась
Сама же такую судьбой.

А прадед же мой не согнулся —
Железный тот дух победил!
В родные места он вернулся
И долго на зависть всем жил!
Теперь, когда я проезжаю
Вдоль тех родовых деревень,
Мне кажется, он начинает
Беседу в наш век перемен

* тумэр — в перев. с бур. «железо»

О том, что так гложет, волнует
Всю душу сейчас и всегда,
Мне темя, понюхав, целует;
Щекочет его борода.

2

— Ну, здравствуй же, правнучка, рад я
Здесь встретить тебя и обнять.
Со мной мои сестра и братья,
Решил их тебе показать.
Что скажешь, родная, ответь мне,
Байкал все так чист, как слеза?
Иль срок доживая последний,
Поблекли от горя глаза?
А лес? Он все так же несметен,
Могуч? Иль изрублен совсем?
И помните ль вы о бессмертьи
Хозяев земли этой всей?

Когда-то молились мы родом
За вас, всех потомков своих,
Чтоб жили-служили народу,
Успехов достигли больших;
И, главное, дух сберегли бы,
Что тверже железа прослыл.
Так ветрам навстречу вы шли бы,
Как против течения я плыл.
Мы в море трудились до пота,
Усталость забыв и питье;
Кормились все также охотой
Счастливое было житье.
В предолгие зимние стужи
Очаг, как отец, согревал.

Бывало, откушав свой ужин,
Сказитель свой сказ начинал.

Мы слушали, диву даваясь
Таланту его, мастерству;
И плакали хором, смеялись
Все, радуясь тихо родству.
Он пел нам о времени древнем,
Истекшем, как в сите вода...
Казалось, что вместе мы дремлем,
И сказ его снится всегда.
Ты слышишь тот голос порою?
То пенье его, как ручей?
Он, точно я знаю, откроет
Всю прелесть своих тех речей.
Сам тайны творений раскроет,
С собой поведет, не боясь;
Святою водицей омоет
И скажет тебе, не кичась:

«Ступай же дорогою,
Мной освященной,
И в храм мой нетленный войди!
Отныне же, став, ты
сама защищенной —
Не бойся преград впереди!»

3

Поклон вы мой низкий примите
И сердца большую любовь,
За слог мой нескладный простите,
Спешу я, волнуясь, на зов.
Байкалом мы так же гордимся,

Стараясь его сохранить,
И страхом все смертным боимся:
Сумеем ли впредь вздорожить?
А царство лесное нас манит
Богатством своим, красотой;
Но жаль, его уже ранят
В погоне за жизнью «крутой».

Молитвами вашими живы,
Все здравствуем мы до сих пор.
Подчас вы признаниям лживым
Достойный даете отпор!
Тот дух ваш нас сам выбирает,
Железом характер каля,
И нежной душой одаряет,
За слабых и сирых моля.
Да...Слышу я пенье порою,
Лаская, питает мне слух;
А чаще бывает зимою —
Оно устремляет мой дух
В тот храм, что нетленен и вечен
Под синим здесь небом всегда;
Все дарит мне музыку песен,
И голос журчит, как вода:

«Ступай же дорогою,
Мной освященной,
И в храм мой нетленный войди!
Отныне же, став, ты
сама защищенной —
Не бойся преград впереди!»

ОЛЬХОН

Об острове «Буян»

С детства так много слышала об Ольхоне, загадочном, таинственном острове. С каким же упоением я слушала рассказы корсаковских старцев, которых собирал зимними вечерами мой отец за большим круглым столом! Они, по обыкновению, говорили о «старине глубокой», всею ночью дымили трубками и пили терпкий чай. Старики те годились в отцы уже тогда немолодому моему папе, родившемуся в далеком 1912, какими же древними были они! Тепло от мысли, что мне посчастливилось их слышать, внимать их рассказам, вдыхать фимиам той незабываемой атмосферы.. Говорили они о Варнашке, о «госте из будущего», который прибегал зимой в Худару по узкому перешейку с ольхонской стороны, ходил по домам, изумляя всех своими предсказаниями. Приезжали, уже в пору моего детства, гости с Ольхона, сваты, худа-урагууд, пели старинные песни, дружно приплясывая, энергично притопывая. Всегда хотелось мне птицей перелететь через Байкал и оказаться на этом чудном, в моем детском воображении острове, ассоциирующемся с островом Буяном из пушкинской сказки.

*Ольхонскому
пророку Варнашке*

БЕССМЕРТИЕ ПРОРОКА

Так высоко твое одиночество,
Душою ты в разных мирах.
Тайн же знаешь великое множество,
Летаешь не только во снах...

Не случайно, Ольхон — твоя родина —
Он сколок Вселенной, хоть мал.
Те дороги, тобою что пройдены,
Избрав тебя, Бог даровал.

И свой путь ты отсюда в бессмертие
Под небом родным начинал,
Не страшась эшафота бесчестия,
Ты миру судьбу предрекал.

Но в ту пору шальную безвременья
Казалось удобнее жить
Многим в бездне слепого безверия —
Без бога, душой не тужить.

И твои принимались пророчества
В народе, любимом тобой,
То за странности, то за плод творчества;
И слово лишь было молвой.

Ты предвидел наш век переменчивый,
Пытался глаголом внушить,
Чем грядущее будет увенчано,
Как надобно б дальше всем жить.

И при жизни твои предсказания
Так точно и верно всегда,
Уж сбывались, а ты на «соборания»
За вестью летел сквозь года.

Над Байкалом свой купол Вселенная
Раскинула синим шатром,
И отсюда все мысли нетленные
Ты черпал и ночью, и днем.

Пред уходом своим ты настойчиво
Собратьям в сердцах говорил:
«На костях моих правду прочтете вы —
Зачем я родился и жил...»

Но сородичи все ж не поверили
Пророку, тебе — мудрецу.
Не повинны они, что не ведали
О силе, ведущей к венцу —

Жить в веках, став легендой нетленною,
Сквозь сонмы и бури эпох.
И поныне на жизнь эту бrenную
Ты свыше взираешь, как Бог.